

ЧЕСТНОСТЬ

Обложки двух этих книг напоминают одна другую: солдаты с автоматами, победно развевающиеся плащ-палатки. По всей видимости, художники не читали повестей, они привыкли соответственно оформлять книги «про войну» и довольствовались этой привычкой. Между тем повести Юрия Бондарева «Батальоны просят огня» и Григория Бакланова «Пядь земли» нарушали тенденции прозы военных и первых послевоенных лет, когда насаждался, упрочался фанфарный стиль. Некогда гремевшие сочинения такого рода, имена авторов сейчас забыты, и вряд ли есть нужда их вспоминать. Хотя авторы эти еще долго и небезуспешно мельтишили, получая награды и посты, поучая непутевых собратьев — лейтенантов, пришедших в литературу со своим словом о войне.

Суть, конечно, не только в состязательстве, боязни лишиться высоко-го покровительства и читателей. Это им не угрожало, их-то Хрущев, разоблачитель культа личности, и занесет в «автоматчики». Читательская аудитория в Советском Союзе настолько широка, что любой беллетрист, даже невысокой пробы, находил своих поклонников. Покровительством системы было гарантировано, она сама настороженно и неприязненно встретила «лейтенантскую» прозу, отнюдь не посягавшую на устой, исполненную благородного патриотизма, прославляющую советского солдата, его ратную самоотверженность.

В чем же все-таки их «заблуждения», почему «лейтенантская» проза оказалась не ко двору?

Обе повести, создававшиеся в конце пятидесятых, рассказывали о наступательных, победных в конечном счете сражениях. Но не с высоты больших штабов, генеральских командных пунктов. Сами их названия — «Пядь земли», «Батальоны просят огня» — достаточно определенно обозначили сферу действия. Она в чем-то совпадала у Бондарева и Бакланова: плацдарм. В первом случае — днепропетровский, во втором — днепропетровский. В какой-то мере совпадала и боевая задача, возложенная на героев-участников отвлекающих операций. Не они наносят главный удар, не их поддерживают основные силы артиллерии, авиации, танков. Потому-то тщетны зачастую просьбы командиров о поддержке, обычно и они не информированы об отвлекающем назначении своих безнадежных атак. Но без них неосуществим главный удар. Так объективно создается драматическая ситуация, захватившая обоих прозаиков, хорошо знавших, чем оборачивались вспомогательные действия полка, батальона, взвода.

Командиру дивизии полковнику Иверзеву известна жестокая необходимость того, что еще неизвестно командирам обреченных батальонов.

«Люди, люди, там... мои люди», думал Иверзев. И, подумав это с горячей тоской предчувствия, он не искал оправдания самому себе; даже ценой жизни он не вильнул бы перед своей совестью.

Победители, испытывающие чувство обреченности. Сейчас Ю. Бондарев, возможно, ощутил его более остро, чем некогда командуя батальоном. Это чувство, разумеется, не единственное. Была и потребность, о которой публицистически открыто сказано в повести Г. Бакланова: «Войны всегда остаются в памяти великими сражениями. И среди них не будет места нашему плацдарму. Судьба его — как судьба одного человека. Только об этом забывают почему-то».

Бакланов, сосредоточившись на «пяди земли», всматривается в каждого солдата, с которым его сводит мгновенно меняющаяся обстановка, когда ему, артиллерийскому разведчику, приходится участвовать в жестоком пехотном единоборстве. Ю. Бондарев, расширяя зону действия, неизменно возвращается к своим героям, находя точные слова для каждого. До смертной минуты каждый из них остается самим собой. Даже если меняется в бою. Усиливается поразительная слитность. Именно оно предопределяет жестокую взыскательность к людям. Сейчас мы были бы снисходительнее к Мезенцеву («Пядь земли»). Он благополучно жил в оккупации, играл на волторне и, попав на фронт, норовит перейти трубочком в ансамбль. Лейтенант Мотовилов обосновывает свою ненависть к Мезенцеву: «Я ненавижу его не столько за то, что был у немцев и даже детей там народил — черт с ним, в конце концов! — но он из той породы людей, за которых все трудное, все опасное в жизни делают другие».

Едва ли не первым в нашей литературе Ю. Бондарев сказал о власто-вах, люто сражавшихся на стороне противника. Беспощадность к ним его героев не нуждается в оправдании. Драма многих из тех, кто стал под знамена Русской освободительной армии, взявшей, между прочим, своим боевым маршем песню из оперы И. Дзержинского «Тихий Дон» — «За землю, за волю», сейчас не занимает писателя. Но это не повод для упрека в ограниченности. Необходимо сказать о товарищах по окопу. Не допустить забвения.

«Лейтенанты» не поэтизировали войну, не видели нужды расцвечивать подвиги. Но упрямо вели речь о неприметном героизме, настаивая: в трудный час он спас родину. Они принимали традиции Толстого — это заметнее у Бондарева, следовали за Виктором Некрасовым — это заметнее у Бакланова. Однако каждый дорожил своей самостоятельностью, независимостью. Быть может, именно поэтому они предпочитали неординарность обычного человека, физическую отвагу как продолжение смелости мысли. Не зря полковник Гуляев ценит бесшабашного, на первый взгляд, капитана Ермакова, который не боится ни противника, ни решений, принимаемых на свой риск и страх. Такие решения диктуются не тщеславием, не забубенной лихостью, но органическим неприятием всего того, что нес вермахт.

Чудом уцелевший Борис Ермаков читает неотправленное, просто-душное и благородное письмо лейтенанта Ерошина: «честность — без нее нельзя жить». Святая вера!

Но если искать формулу, выражающую суть «лейтенантской» прозы (сознавая недостаточность для искусства любых формул), придется взять слова о честности из письма молодого офицера, погибшего на днепропетровском берегу.

Если искать исходное побуждение критиков, набросившихся на «лейтенантскую» прозу, то, видимо, говорить придется о страхе перед писательской честностью. Не ее ждали, не ее требовали. Но она-то и побудила суматошно атаковать недавних офицеров-выпускников послевоенного Литинститута.

Нет необходимости преувеличивать размах такого рода атак. Переменчивая хрущевская «оттепель» не лишала начинающих прозаиков возможности придерживаться избранного пути. Более того, критики-сверстники, тоже вернувшиеся с фронта, всячески их поддерживали. В защиту «лейтенантской» прозы писались статьи куда более убедительные, чем пытавшиеся ее изничтожить.

Еще удерживался дух фронтового братимства. Ему, естественно, не суждено было сохраняться вечно. Но и сейчас, когда мало что от него уцелело, дороги воспоминания о нем. Дороги и повести, не утратившие дыхание боев. Трудное, но — иной раз очистительное.

«Лейтенантская» проза предвосхитила «деревенскую». Предвосхитила многое из того, что родится в грядущие годы в нашем искусстве.

В. КАРДИН.